

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 5—11.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 5—11.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18/19"

DOI: 10.46726/И.2024.3.1

РЕЦЕПЦИЯ «ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА» В ЦИКЛАХ С.А. ЕСЕНИНА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ», А.В. ШИРЯЕВЦА «БИРЮЗОВАЯ ЧАЙХАНА», С.М. ГОРОДЕЦКОГО «АНГЕЛ АРМЕНИИ»

Анастасия Андреевна Алексеева

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия,
alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование имеет своей целью проследить особенности воплощения «чужого пространства» в ориентальных циклах поэтов-новокрестьян С.А. Есенина и А.В. Ширяевца, а также в художественном единстве С.М. Городецкого. В работе предпринимается попытка отобразить национальные детерминанты в изображении неродных просторов в лирических единствах «Персидские мотивы», «Бирюзовая чайхана», «Ангел Армении», созданных названными авторами. В работе обращается особое внимание на стремление лирических героев исследуемых произведений погрузиться в атмосферу другого государства, понять и принять его традиции, особенности культуры и палитру нравов, принятых в ином, с точки зрения национального самосознания, обществе. В результате работы устанавливается, что особенности образного строя рассматриваемых произведений С.А. Есенина, А.В. Ширяевца, С.М. Городецкого свидетельствуют об общности восприятия ими «чужого пространства», основанного на толерантности по отношению к инокультурным реалиям, что оказывается одной из черт национального самосознания русского человека. Итоги исследования фиксируют наличие творческого диалога в художественном наследии поэтов Серебряного века.

Ключевые слова: национальное самосознание, художественная антитеза «свой—чужой», лирический цикл, С.А. Есенин, А.В. Ширяевец, С.М. Городецкий

Для цитирования: Алексеева А.А. Рецепция «чужого пространства» в циклах С.А. Есенина «Персидские мотивы», А.В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана», С.М. Городецкого «Ангел Армении» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 5—11.

Одним из направлений этнопоэтики является имагология как область «рецепции и репрезентации образов “другого”», т. е. чуждого пространства, а также представителей иных культур и конфессий [Зырянов: 12]. По справедливому замечанию Е.В. Папиловой, имагология имеет междисциплинарный характер, который воплощается, например, в функционировании художественной имагологии, отличающейся «высокой степенью достоверности». Эта «достоверность», по точному замечанию исследователя, детерминируется особенностью литературы: она способна к комплексной передаче различных национально детерминированных черт: менталитета, моделей межличностного взаимодействия, характеров, речевого поведения и т. д. [Папилова: 32].

Анализ рецепции образа «чужого» как антипода образу «свой» оказывается одним из способов познания черт собственной национальной культуры. Именно поэтому в вопросе о раскрытии особенностей национального характера русского народа, его мировосприятия плодотворно обращаться к художественным произведениям, призванным отразить взгляд поэтов на инокультурные реалии.

В частности, интерес представляют лирические художественные единства (которые обладают более широкими потенциями, нежели самостоятельные стихотворения, в воссоздании целостной картины мира), призванные отобразить авторскую рецепцию особенностей загадочной Восточной атмосферы (так называемые ориентальные циклы). Именно эпоха Серебряного века обнаруживает актуальность постижения «ориентального» пространства во всём её многообразии, включая этнические особенности, религиозно-философские аспекты и культурологические значения [Чевтаев: 83].

В данной связи обозначается цель настоящего исследования — выявить особенности рецепции «чужого» пространства в циклах поэтов, творивших на рубеже веков. Их анализ позволит определить национально обусловленные факторы, свидетельствующие о наличии точек соприкосновения авторов в формировании образов «другого».

Материалом для исследования в данной статье стали ориентальные лирические единства новокрестьянских поэтов С.А. Есенина «Персидские мотивы» (1924—1925) и А.В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана» (1924), а также цикл схожего с названными авторами в эстетических взглядах поэта-символиста С.М. Городецкого «Ангел Армении» (1918).

Знакомство С.А. Есенина с культурой Востока литературоведы датируют началом 1920-х годов, когда поэт обращается к образцам восточной поэзии, а также совершает поездки на Кавказ [Лебеденко: 77—78]. Создание цикла «Персидские мотивы», по мнению исследователей, знаменует новый этап его жизни и творчества. Пережив большие «нравственные потрясения», Есенин уходит от пессимизма, нашедшего свое воплощение, например, в «Москве кабацкой», и обращается к выражению новых смыслов в поэзии, к чистоте «истиной любви» [Исахан: 125]. Именно поэтому «скандальные» стихи упомянутого выше цикла перерастают в мягкие и напевные интонации истосковавшегося по душевному спокойствию странника, очарованного красотой и загадочностью Востока («Сам чайханщик с круглыми плечами, / <...> Угощает меня красным чаем / Вместо крепкой водки и вина» [Есенин: 249]).

При встрече лицом к лицу с традициями Востока лирический герой Есенина предпринимает попытку сопоставить собственную (русскую) этнокультуру и жизненный уклад другого народа, который славится «кинжальными хитростями и драками», прячет женскую красоту под тёмными покровами чадры. Но, даже излечившись от былой душевной «раны» и выйдя из состояния «пьяного бреда», лирический субъект всё же проявляет свой «хулиганский» нрав, о котором Есенин

так часто упоминал в прежних своих произведениях: «*Все равно калитка есть в саду... / Незадаром мне мигнули очи, / Приоткинув черную чадру*» («Улеглась моя былая рана...») [Там же].

Несмотря на то, что есенинский лирический герой чувствует свою чуждость традиционному укладу Востока, он всё же искренне восхищается его волшебной красотой. Об этом, в частности, свидетельствуют используемые автором средства художественной выразительности, призванные передать восторг лирического субъекта, возникающий при восприятии восточного пейзажа («*шафранный край*», «*цветочные чащи*», «*ветер благоуханный*», «*голубая ласковая страна*» и т. д.). Герой очарован и прекрасными восточными женщинами, чья внешность словно впитала в себя красоту природы Персии («*лицом похожа на зарю*», «*прекрасная Лала*», глаза, словно море, «*попыхающее голубым огнём*», «*лебяжьи руки*» и т. д.). Однако даже в обществе восточных красавиц лирический герой мысленно постоянно возвращается на родину, признаётся, что скучает по родным просторам. Появлению таких чувств не могут противостоять ни пьянящий восточный воздух, ни рассказы собеседниц об их «весёлой стране». Полярность русского и восточного понимания взаимоотношений между мужчиной и женщиной, традиционных устоев, которыми контролируется жизнь персиянок, заставляет лирического героя призывать их к отказу от чёрных длинных одежд («*Дорогая, с чадрой не дружись*») [Там же: 258] и даже открыто заявлять о своём несогласии с данной традицией («*Мне не нравится, что персияне / Держат женщин и дев под чадрой*») [Там же: 257]. Но стоит заметить, что такое неприятие не оказывается отталкивающей для лирического субъекта силой, способной перечеркнуть его влюблённость в «шафранный край». Поэтому в минуты прощания он говорит: «*Хороша ты, Персия, я знаю, / Розы, как светильники, горят / И опять мне о далеком крае / Свежестью упругой говорят. / Хороша ты, Персия, я знаю*» («Голубая родина Фирдуси...») [Там же: 265].

Таким образом, лирический герой «Персидских мотивов» передаёт неподдельное восхищение «голубой родиной Фирдуси», стремится понять и осознать её величие и природное богатство. Думается, такой настрой лирического субъекта может быть детерминирован особенностями национального самосознания русских людей, которые обладают феноменальным менталитетом, сформировавшимся на стыке восточной и западной цивилизаций, что обусловлено в том числе и географическим положением России. Толерантность, признающаяся одной из черт русского национального характера [Гарипов: 134], как раз и выражается в «Персидских мотивах».

Схожие с есенинским лирическим героем чувства испытывает лирический субъект в цикле С.М. Городецкого «Ангел Армении». В нём художественно воплощаются события, происходящие на Кавказе в период Первой мировой войны. Сам импульс к созданию названного произведения может быть расценен как фактор, обусловленный особенностями русского менталитета и национального характера, поскольку связан с христианской идеей милосердия и сострадания к ближнему [Орлов: 60]. Поэт отправился в самый эпицентр военного конфликта (столкновения между Арменией и Турцией) для того, чтобы оказывать поддержку беженцам и армянским детям [Шуваева-Петросян]. В данном контексте заслуживает внимания мысль С.В. Смирнова, связывающего стремление к миссионерству, характерное для русского менталитета, с географическим расположением России. Как известно русское пространство находится между Западным и Восточным мирами и играет роль своеобразного защитного барьера [Смирнов].

Уже с первых строк «Ангела Армении» лирический герой погружает реципиента в атмосферу величественности и красоты древнего государства.

Пространство страны описывается яркими и эмоциональными эпитетами («жемчужные венцы», «цветущий сад», «жемчужный сад»). И сама прекрасная Армения ассоциируется с необыкновенной твёрдостью духа, могучей силой сопротивления вражескому нападению: «Я голову пред древностью твоей склоняю / И красоту целую в алые уста. / Как странно мне, что я тебя ещё не знаю. / Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!» («Армения») [Городецкий: 319].

Лирический герой Городецкого действительно верит, что «звнящая огнём и кровью» страна не падёт под натиском противника. Он хочет услышать «воскресенья весть», верит в счастливое будущее древнего государства. Такая позиция также восходит к духовным ориентирам русского национального сознания, ставящего во главу угла ценности и традиции христианства.

В момент прощания с Арменией лирический субъект рассматриваемого цикла передаёт своё восхищение просторами страны, пусть и разрушенной под вражеским огнём, но сохранившей обаяние природы. Лирический герой признаётся, что внутренне он всецело сопереживал попавшему в бедственное положение государству. Однако его во многом пророческие слова о скором освобождении Армении звучат как напутствие, овеянное верой в торжество жизни над смертью, в отсутствие смерти как таковой, что также восходит к христианским представлениям о бессмертии человеческой души:

*Вы вспомните, тени родные,
О песнях моих молчаливых,
О вере моей громогласной,
Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно* («Прощанье») [Там же: 327].

Как известно, Армения так же, как и Россия, привержена христианской вере. Общность вероисповедания, а значит, и нравственных устоев жизни, становится одним из истоков лейтмотива духовного родства, братства, реализуемого в цикле Городецкого.

С нашей точки зрения, в процитированном отрывке неслучайно употребление эпитета «родные», поскольку лирический герой на протяжении всего поэтического повествования транслирует поистине глубокое ощущение единения собственного «я» с окружающими образами природы. Причём сама природа, испытывающая на себе все ужасы войны, все же радует человека и пышным цветением, и урожаем плодов, и обжигающим солнечным светом, что вселяет в сердце каждого, попавшего в ситуацию военного противостояния, надежду на явление всеисцеляющего Ангела, о пришествии которого лирический герой рассказывает в последнем стихотворении цикла. Своё глубокое сожаление о случившемся с Арменией автор вкладывает в уста ангела, парящего над «страной, что всех несчастней стран» [Там же: 327]. В конце произведения звучат слова, которые можно считать призывом божественных сил к тому, чтобы некогда великое государство восстало «из праха и руин», обрела счастливую судьбу [Там же: 328].

Несколько иные интонации присущи лирическому повествованию А.В. Ширяевца. Его цикл «Бирюзовая чайхана» посвящён описанию жизни Туркестана, в котором поэт прожил 17 лет. В нём наиболее отчётливо, с нашей точки зрения, выявляются черты национального самосознания русского человека, вырисовывающиеся за счёт функционирования в поэтическом тексте антитезы «свой—чужой».

Подобно «Персидским мотивам» Есенина, «Бирюзовая чайхана» транслирует неприятие лирическим субъектом традиционного уклада жизни восточного государства. Сама жизнь в Туркестане представляется ему размеренной, тягучей и оттого непривычной широкой русской душе:

*Верблюжьи кости в жёлто-серой глине.
— Какой простор! Но нищ и жалок он!
Кто расколдует этот мёртвый сон
Забывтой Богом и людьми пустыни?* («Голодная степь») [Ширяевец: 168]

Однако лишь начальным произведениям «Бирюзовой чайханы» присущи заунывные интонации и повествовательный характер стихов, почти лишённых тропов. А вот к концу цикла лирический герой уже показывает своё стремление к тому, чтобы отыскать те традиционные черты Востока как особого культурного и духовного пространства, которые пленяли многих художников слова («Смеяться, петь он каждого заставит, / Толкнёт поэтов он к звенящим струнам») [Там же: 171].

И эти грани восточного мира лирический герой вновь находит в образах природы, которые теперь, в отличие от образов, введённых им в начальных стихотворениях цикла, обретают живописность и эмоциональность. Такой художественный эффект Ширяевец достигает благодаря использованию по-восточному изысканных эпитетов («ночи синие с великолепьем лунным», «дни голубые в золотой оправе») и метафор («заката рубины», «степь зажглась от маковой крови», «небесная эмаль»). Лирический герой «Бирюзовой чайханы» признаётся, что Туркестан — не любимый им край. Однако бурная Аму-Дарья, «дочь снегов и ледников», вызывает у лирического субъекта тёплые чувства, поскольку она одна выглядит живой и стремительной на фоне омертвелых пустынь, вызывающих искреннюю жалость («А теперь стало жаль мне сожжённых, пустынных, / Ожидających чуда бескрайних полей») [Там же: 174].

Следует резюмировать, что лирический герой Ширяевца так и не смог обрести единение с краем, где он был вынужден пребывать столь длительный срок, хоть, как сам он признаётся, «не раз <...> пленялся» Туркестаном. В мыслях лирический субъект цикла всегда возвращался на родные просторы (к Волге, в Жигули), где его вольнолюбивая душа находит гармонию и обретает спокойствие. Однако в последнем стихотворении «Бирюзовой чайханы» герой всё-таки обращается к Туркестану на «ты», то есть доверительно и интимно. Он говорит о том, как красива эта солнечная страна. В целом в цикле выражено уважительное отношение автора к национальным особенностям этого восточного края.

В заключение следует отметить, что причины знакомства с «чужим пространством» у рассматриваемых авторов неодинаковы: Есенин был пленён описаниями Персии, что звучали в стихотворениях восточных поэтов; Городецкий участвовал в организации помощи пострадавшему армянскому народу; Ширяевец вынужденно уехал в Туркестан после смерти своего отца. Однако в их циклах при рецепции особенностей жизни в чужом географическом, культурном и духовном пространстве воплощаются такие черты национального русского характера, как страсть к простору, вольнолюбие, любовь к родине, к природе, искреннее сострадание. В циклах Есенина и Ширяевца в большей мере эксплицируются чувства ностальгии и тоски по родине. В произведении Городецкого получает выражение христианское сострадание, стремление помочь ближнему. Однако в целом исследование показывает, что в русском самосознании заложено стремление к познанию иного, непривычного, с одной стороны, а с другой — беспредельная преданность родному краю. Русское сердце оказывается восприимчивым к впечатляющему красотой и загадочностью Востоку,

«шафранный» край пленяет лирических героев своей величием, что находит художественное воплощение в обилии тропов, использованных поэтами в текстах стихотворений. И в этом, как нам кажется, заключается диалектика русской души: принятие чужого пространства и готовность к погружению в него позволяют лирическим героям циклов осознать свою неподдельную любовь к родине, куда они (как мысленно, так и физически) неизбежно возвращаются; духовное родство народов, принадлежащих к одной конфессии (С.М. Городецкий); органическую близость человека и природы.

Список источников

- Городецкий С. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения / сост., комментарии В.П. Енишерлова. М.: Художественная литература, 1987. 479 с.
 Есенин С. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения / сост. и коммент. А.А. Козловский. М.: Наука; Голос, 1995. 672 с.
 Ширяевец А.В. Песни волжского соловья. Тольятти: Фонд Духовное наследие, 2007. 276 с.

Список литературы / References

- Гарипов Р.К. Толерантность и национальное самосознание: монография. Уфа: БашГУ им. М. Акмуллы, 2011. 189 с.
 (Garipov R.K. Tolerance and national identity: monography, Ufa, 2011, 189 p. — In Russ.)
 Зырянов О.В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8—15.
 (Zyryanov O.V. Problem-methodological field of modern ethnopoetics, *Philological class*, 2019, no. 1 (55), pp. 8—15. — In Russ.)
 Исахан И. Тема Востока в творчестве Сергея Есенина: на материале цикла «Персидские мотивы» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 124—127.
 (Isakhan I. The theme of the East in the work of Sergei Yesenin: on the material of the cycle “Persian motifs”, *Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2018, no. 4, pp. 124—127. — In Russ.)
 Лебеденко В.А. «Пушкинский след» в цикле С.А. Есенина «Персидские мотивы» // Современное есениноведение. 2020. № 3 (54). С. 77—80.
 (Lebedenko VA “Pushkin's Trail” in the S.A. Yesenin's cycle “Persian motifs”, *Contemporary Yeseninovedenie*, 2020, no. 3 (54), pp. 77—80. — In Russ.)
 Орлов М.О. Русская идея: историко-философские и социальные основания // Известия Саратовского университета. Т. II. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 3. С. 58—62.
 (Orlov M.O. The Russian idea: historical-philosophical and social foundations, *Journal of the Saratov University, Vol. II. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, iss. 3, pp. 58—62. — In Russ.)
 Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31—40.
 (Papilova E.V. Imageology as a humanitarian discipline, *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Philological sciences*, 2011, no. 4, pp. 31—40. — In Russ.)
 Смирнов С.В. Природный фактор формирования русского национального характера // Общество: религия и наука (история, философия, традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей): монография / под общ. ред. О.И. Кирикова. Кн. 5. М.: Наука: информ; Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 100—115.
 (Smirnov S.V. A natural factor in the formation of the Russian national character, *Society: religion and science (history, philosophy, traditions, peculiarities, and genesis of spiritual and cultural values): monography*, ed. by O.I. Kirikova. Book. 5. Moscow, Voronezh, 2013, pp. 100—115. — In Russ.)

Чевтаев А.А. Лунарная «женственность» в «ориентальном» пространстве: стихотворение Н. Гумилева «Константинополь» // *Филологос*. 2021. № 3 (50). С. 81—91.

(Chevtaev A.A. Lunar “femininity” in the “oriental” space: N. Gumilev’s poem “Constantinople”, *Philologos*, 2021, no. 3 (50), pp. 81—91. — In Russ.)

Шуваева-Петросян Е. Ованес Туманян — «Ты стал средь нас родной Иван» // *Поэтоград*. 2010. № 3. С. 2.

(Shuvayeva-Petrosyan E. Hovhannes Tumanyan — “You have become our dear Ivan”, *Poetograd*, 2010, no. 3, p. 2. — In Russ.)

RECEPTION OF “FOREIGN SPACE” IN THE CYCLES OF S.A. YESENIN “PERSIAN MOTIFS”, A.V. SHIRYAEVTS “TURQUOISE TEAHOUSE”, S.M. GORODETSKY “ANGEL OF ARMENIA”

Anastasia A. Alekseeva

Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russian Federation, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Abstract. Abstract. This study aims to trace the features of the embodiment of “foreign space” in the oriental cycles of the New Peasant poets S.A. Yesenin and A.V. Shiryayevts, as well as the artistic unity of S.M. Gorodetsky. The work attempts to display national determinants in the image of non-native spaces in the lyrical units “Persian motifs”, “Turquoise teahouse”, “Angel of Armenia”, created by the named authors. The work draws special attention to the desire of the lyrical heroes of the studied works to immerse themselves in the atmosphere of another country, to understand and accept its traditions, cultural characteristics and the palette of mores adopted in a different, from the point of view of national self-consciousness, society. As a result of the work, it is established that features of the figurative structure of the considered works by S.A. Yesenin, A.V. Shiryayevts, S.M. Gorodetsky testify to the commonality of their perception of “foreign space”, based on tolerance towards foreign cultural realities, which turns out to be one of the features of the national self-consciousness of a Russian person. The results of the study make a certain contribution to the development of ideas about the embodiment of the “Russian idea” in Russian literature and record the presence of a creative “dialogue” in the artistic heritage of the poets of the Silver Age.

Keywords: national self-consciousness, artistic antithesis “friend or foe”, lyrical cycle, S.A. Yesenin, A.V. Shiryayevts, S.M. Gorodetsky

For citation: Alekseeva A.A. Reception of “foreign space” in the cycles of S.A. Yesenin “Persian motifs”, A.V. Shiryayevts “Turquoise teahouse”, S.M. Gorodetsky “Angel of Armenia”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 5—11.

Статья поступила в редакцию 03.08.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 03.08.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 26.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Алексева Анастасия Андреевна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Alekseeva Anastasia Andreevna — Candidate of sciences (Philology), teacher of the Russian language department, Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russian Federation, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru